

апокрифов никак не является «библейским персонажем». Андроник Комнин (переводчик пишет «Комнен») был не «племянником по брату императора Мануила I Комнена», как ошибочно пишет автор «Истории» (гл. VIII) и повторяет комментатор (стр. 99), а его двоюродным братом.

В XIV главе упомянуты ваятели Пифодор и Критий. Здесь, возможно, как предполагает в конце соответствующего примечания сам К. С. Кекелидзе (стр. 102), имеются в виду «знаменитые греческие скульпторы V в. до н. э.» (Пифодор, кстати, если не иметь в виду более поздних мастеров, носивших то же имя, жил скорее не в V, а в VI в. до н. э.). Совершенно непонятно, почему автор пытается в том же примечании отождествить ваятеля Крития с известным софистом, тираном Критием, «которого Платон упоминает в диалоге «Критий» (Тимей)». Не говоря уже о том, что для такого отождествления нет абсолютно никаких оснований, отметим, что в этой связи следовало бы назвать два диалога Платона: «Тимей» и служащий его продолжением незаконченный «Критий»; ни один из этих диалогов, насколько нам известно, под именем другого в научной литературе не фигурировал.

В 3-м примечании к XXXVII главе упоминается «персидское эпико- (по-видимому, следует читать этико.- А. С.) политическое сочинение Кабус-Намэ, написанное в 1082 г.». Это не совсем точно. По свидетельству автора Кабус-Намэ, книга была *начата* в 475 г. хиджры (июнь 1082—май 1083)⁴.

Книга издана небрежно. Так, под рубрикой XLII помещены примечания к XLIII главе, а примечание к XLII главе вообще отсутствует. К слову «Табахмела» (местность, где скончалась Тамара, гл. LIII) дается сноска 2 (кстати, следует читать 3), но в соответствующем месте (стр. 110) такого примечания мы не найдем. Большую пользу принесли бы традиционные в подобных изданиях именной и терминологической указатели — их в книге нет.

Все это, как нам кажется, говорит о необходимости с большей требовательностью и вниманием относиться к публикации (в частности к комментированию) трудов такого рода. Упомянутые недостатки рецензируемой книги тем более досадны, что издание русских переводов грузинских, армянских и других источников по истории народов нашей страны, делающее эти источники доступными широким кругам специалистов, представляется в высшей степени полезным и важным, а публикация проф. К. С. Кекелидзе знакомит нас как раз с одним из таких источников.

А. Я. Сыркин

М. А. ЗАБОРОВ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Изд-во АН СССР. М., 1956, 278 стр.

Это первая в советской историографии книга, посвященная истории крестовых походов. Она вышла в научно-популярной серии Издательства Академии наук, однако первое же знакомство с этой работой заставляет прийти к выводу, что перед нами не компиляция, какой нередко являются подобного рода популярные издания, но результат самостоятельного исследования, итог многолетней работы автора над источниками.

⁴ Кабус-Намэ. Перевод, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 216.

Первая глава книги рассказывает о подготовке и причинах крестовых походов. Она начинается кратким историографическим очерком, в котором автор показывает полную несостоятельность попыток буржуазных историков представить крестовые походы результатом столкновения двух религиозных миров и в качестве основных причин этих походов выдвигать свойственную средневековому обществу религиозность, будь то религиозное благочестие или религиозный фанатизм. М. А. Заборов ищет причины крестовых походов в ряде более глубоких и не всегда очевидных явлений — в социально-экономических потребностях общества, в заинтересованности и стремлениях различных его слоев, в соотношении политических сил. «Причины крестовых походов, — говорит автор, — коренились, в первую очередь, в переменах, которые совершились в XI в. в положении главных общественных классов на Западе на основе происшедших там экономических сдвигов» (стр. 12). В связи с этим М. А. Заборов обращается к анализу положения, в котором находились в тот период страны Западной Европы. Широко используя источники, часто приводя из них удачно подобранные цитаты, автор рисует картину смутного XI в. с его непрерывными феодальными убицами, годами неурожая, голода и эпидемий. Он показывает придавленную феодальным гнетом и разоренную феодальными войнами деревню, обитатели которой жаждали освобождения, были готовы сдвинуться с места в поисках лучшей жизни и потому представляли собой прекрасный объект для крестоносной агитации.

Отрицая религиозный фактор в качестве основной и единственной причины крестовых походов, М. А. Заборов вместе с тем счастливо избежал упрощения и односторонности в освещении этого вопроса. Наоборот, он прекрасно показывает, что в темном сознании средневекового крестьянина события реальной жизни получали нередко самое причудливое отражение, бедствия, например, воспринимались как «божья кара», а стремления к избавлению от них приводили к жажде религиозного подвига. Эти настроения, как справедливо отмечает М. А. Заборов, сыграли большую роль в крестовых походах, хотя, конечно, и не были первопричиной крестоносного движения.

Далее автор показывает, что и среди господствующего класса постепенно накапливались силы, заинтересованные в крестовых походах, — это разоряющиеся рыцари, малоземельные или безземельные, в поисках добычи, в погоне за новыми землями готовые броситься в любые предприятия и авантюры.

Неустойчивый, находящийся в вечном движении и непреодолимой внутренней борьбе, потрясаемый войнами, стихийными бедствиями и эпидемиями, западноевропейский мир экономически, политически и психологически был готов к передвижению. Необходима была лишь сила организующая — она нашлась в лице католической церкви.

М. А. Заборов считает, что в самой католической церкви в XI в. происходят значительные изменения, она централизуется, усиливается папская власть, которая и становится главным организатором и вдохновителем движения на Восток.

Папство, как показывает автор, по целому ряду причин было глубоко заинтересовано в крестовых походах.

Вторая, самая обширная глава работы (стр. 51—132), посвящена Первому крестовому походу. Она написана живо и красочно. Чувствуется — и это следует особо отметить, — что автор ведет свой рассказ, все время опираясь непосредственно на источник. Фактическая сторона похода изложена здесь очень добротнo. Широко использованы не только источники, но и литература вопроса, в том числе и новейшая. Такой сводки прове-

ренного фактического материала по Первому крестовому походу на русском языке до сих пор еще не было.

Изложение начального этапа крестовых походов обладает и тем достоинством, что автор очень тщательно собрал все, что касается крестьян и вообще бедноты, принявшей участие в крестоносном движении. В этом отношении особенно интересны страницы, посвященные походу бедноты, подробно описанному автором, и в частности тот раздел, где речь идет о социальных противоречиях в войсках крестоносцев (стр. 97 сл.). Несколько ярких эпизодов, вроде краткого рассказа о вооруженной борьбе, разразившейся в войсках Балдуина Фландрского под Тарсом (стр. 98—99), и сведения об особых отрядах бедняков—тафуоров (стр. 100—101) — бросают новый свет на характер похода и показывают, хотя, к сожалению, и не всегда с той полнотой, с какой было бы желательным, всю сложность социальных отношений, царивших в крестоносных войсках. В этой связи очень интересны и те страницы, на которых описаны раздоры из-за добычи возглавивших поход князей, раздоры, не раз приводившие к кровавым столкновениям. Все эти факты прекрасно показывают действительную цену легенды о бескорыстии крестоносцев, будто бы движимых единым религиозным воодушевлением. Весь путь крестоносцев Первого похода представлен как процесс их саморазоблачения, и кульминацией его несомненно является знаменитая иерусалимская резня, учиненная крестоносцами.

Серьезно и с большим знанием материала написан раздел этой главы, посвященный государствам, созданным крестоносцами на Востоке (стр. 108—132). Читатель узнает здесь не только о рыцарях, о духовно-рыцарских орденах и их деятельности, но и о вилланах и, что всего интереснее, о вилланских восстаниях, нередко захватывавших значительную часть Иерусалимского королевства. Таким образом, весь цикл Первого похода от его подготовки и выступления бедноты в 1096 г. до создания государств крестоносцев на Востоке изложен в книге на большом материале источников, сжато, но вместе с тем четко и убедительно. Не только читатель-неспециалист, но и историк найдет здесь для себя много нового и интересного.

Несколько иное впечатление производит глава, посвященная крестовым походам XII в. (стр. 133—178). И дело не только в том, что изложение становится более кратким, но и в том, что в истории Второго и Третьего походов автор менее самостоятелен и гораздо реже опирается непосредственно на источник. Видимо, в связи с этим находится и то, что повествование автора нередко ограничивается здесь просто изложением фактов.

Зато следующая глава, посвященная Четвертому крестовому походу, является едва ли не лучшей во всей книге (стр. 179—242).

Преодолевая односторонность большинства исследователей, занимавшихся Четвертым крестовым походом, — а ему, как известно, посвящена огромная литература, — М. А. Заборов показывает всю сложность политической борьбы, предшествовавшей этому походу, и совокупность различных сил, принявших участие в его организации. В результате германо-византийских противоречий, заинтересованности французской короны, под прямым нажимом Венеции и тайным руководством Иннокентия III орды крестоносцев, забыв о «святой земле», ринулись на Константинополь, взяли его штурмом и разгромили. М. А. Заборов специально изучал вопрос о роли папства в Четвертом крестовом походе¹, и приведенные им

¹ ВВ, V, 1952 и VI, 1953.

свидетельства источников, в частности Новгородской летописи о прямом, хотя и тайном участии Иннокентия III в организации захвата Константинополя, представляются достаточно убедительными. Вдохновители крестовых походов и их непосредственные участники с действительным поразительным цинизмом обнаружили истинную сущность своих устремлений и целей, осуществив разгром Константинополя, города, населенного христианами. Взятие Константинополя, сцены повального грабежа, пожаров, в огне которых гибли люди, неповторимые памятники искусства, драгоценные библиотеки — все это прекрасно описано автором и убедительно доказывает его основную мысль о грабительском характере крестовых походов. В этой же главе автор останавливается и на организации Латинской империи и на борьбе народов Балканского полуострова против франкских захватчиков.

Пятая глава (стр. 243—267) посвящена вялому течению последних походов, потерявших смысл и значение даже в глазах современников.

Книга заканчивается кратким заключением (стр. 268—278), содержащим общую оценку крестоносного движения и в значительной своей части обращенным к настоящему, поскольку история крестовых походов неоднократно извращалась в новейшей литературе в политических целях, а идеи древних крестовых походов использовались современными реакционными кругами и, в частности, Ватиканом в их борьбе с прогрессивными силами мира. В этом отношении общая направленность книги, показавшей истинное лицо средневековых крестоносцев, делает ее своевременной и актуальной.

Таким образом, мы видим, что книга М. А. Заборова представляет собой не просто изложение фактической стороны истории крестовых походов, но и дает определенную концепцию крестоносного движения, его места в средневековой истории. Однако не со всем в этой концепции можно согласиться и не все ее стороны разработаны автором с одинаковой законченностью.

Так, прежде всего следует отметить, что книга не дает ясного ответа на вопрос, каким принципом руководствовался автор при отборе того круга исторических событий, который он включил в свою работу, или, другими словами, каков объем понятия «крестовые походы».

П. Лемерль в докладе на X конгрессе историков в Риме определил крестовые походы как военные паломничества, имевшие своей целью освобождение святых мест и христиан Востока, возглавленные церковью, походы, чьи участники получали определенные отличительные знаки и определенные привилегии². Это распространенное в западной литературе определение носит формально-юридический характер и, конечно, не может быть нами принято. Мы иначе представляем себе и подлинные цели походов и их движущие силы. Кроме того, крестовые походы не ограничивались, как известно, «святыми местами». Мы знаем и крестовые походы на славянский Восток и походы в самой Западной Европе, как, например, поход против альбигойцев, поход против крестьян, восставших под предводительством Дольчино, поход против штединггов и т. д. Следовательно, крестовые походы определяются не по направлению их удара, а в зависимости от того, какие силы и с какими целями приняли участие в этом движении и в какую форму оно вылилось. Известно, например, что к завоеванию территории нынешнего Ближнего Востока и к освобождению «святых мест» стремилась и Византия, особенно в X в. Византийское

² P. Lemerle. Byzance et la croisade. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze Storiche, III. Roma, 1955, p. 615.

правительство организовало ряд походов, которые Р. Груссе и называет «византийскими крестовыми походами»³. Однако эти военные предприятия наукой не причисляются к общему крестоносному движению — и вполне справедливо. Здесь совпадает только направление, но движущие силы совершенно иные.

Крестовые походы — это порождение феодальной раздробленности, их прекращение не случайно совпало с периодом укрепления централизованных государств. Крестовые походы осуществились главным образом силами рыцарства. Рыцарские отряды вполне могли идти в сопровождении толпы крестьян и караванов купцов, но основной силой было именно рыцарство, условия существования которого как определенной социальной группы непрерывно связаны с периодом феодальной раздробленности. (Вот почему упоминавшиеся выше византийские походы X в. и нельзя считать крестовыми). Объективной целью крестоносного предприятия неизменно была колонизация, создание крестоносного государства. Субъективной целью, а зачастую и просто ширмой, была борьба во имя защиты и укрепления католической церкви. Только учитывая все сказанное, мы сможем правильно определить как действительное место крестоносного движения в общей истории средних веков, так и его подлинные размеры. XI—XIII века были периодом величайшей западноевропейской агрессии (борьба с арабами в Испании, крестовые походы в Палестину, завоевание славянских земель, внутренние завоевания). И в этой общей картине Четвертый крестовый поход предстает перед нами уже не исключением из правила, как его подчас пытаются изображать, а явлением закономерным.

М. А. Заборов же в основном ограничивается теми походами, которые были совершены на Ближний Восток, однако уже одно включение в его работу немецких походов против славян показывает, что он не придерживается того определения, которое считает крестовыми походами одни лишь походы в «святую землю». Но как только автор вышел за пределы этого узкого понимания термина, сейчас же встает вопрос, почему одни походы включены в книгу, а другие не нашли в ней отражения. Вряд ли, конечно, можно требовать, чтобы в небольшой книге была нарисована сколько-нибудь подробно вся картина крестовых походов. Однако общий размах движения показать было необходимо. Поэтому недостатком книги следует признать отсутствие, например, описания похода против альбигойцев. Поход против альбигойцев — это настоящий крестовый поход и по движущим своим силам, и по целям, и по форме, и по результатам. И поэтому современники были совершенно правы, называя его «крестовым походом». Осуществило его северофранцузское рыцарство, призванное папой Иннокентием III и ведомое папским легатом; участники похода вместе с крестом получали все права и привилегии крестоносцев. Его результатом было создание крестоносного государства Симона де Монфора, государства, столь же недолговечного, как и другие подобные ему. Являясь, так сказать, классическим крестовым походом, поход против альбигойцев представляет для нас огромный интерес, поскольку он был явно направлен не только на завоевание земель, но и на подавление антицерковного и антифеодального движения и вызвал героическую и многолетнюю борьбу народных масс против крестоносцев. Ни в одном походе папство и католическая церковь не выступали в столь зверском облике, как это было в период альбигойских войн, — достаточно вспомнить требование папского легата повесить всех мужчин города Тулузы, большая

³ R. Grousset. Histoire des croisades, vol. I. Paris, 1948.

часть населения которого была католической! История борьбы альбигойцев с крестоносцами прибавила бы книге много ярких и впечатляющих страниц, и место для них можно было бы найти хотя бы за счет неоправданно подробного описания малозначительного «похода» Фридриха II Гогенштауфена и других поздних походов. Следовало бы остановиться, хотя бы кратко, и на крестовом походе против крестьян, восставших под руководством Дольчино.

Как уже отмечалось, одним из больших достоинств работы М. А. Заборова является то внимание, которое он уделяет народным массам, в особенности крестьянству, принявшему участие в крестовых походах. Однако и здесь с автором не во всем можно согласиться. Он, конечно, прав, когда в стремлении крестьян на Восток видит их желание освободиться от феодального гнета (достаточно вспомнить клич крестьян, выступивших в поход 1096 г., — «опередить дворян-притеснителей!»). Но в общей картине классовой борьбы крестьян в XI в. не все нарисовано автором достаточно отчетливо, а кое-что, на наш взгляд, и не совсем правильно.

М. А. Заборов не раз, например, упоминает о том, что одной из пассивных форм сопротивления крестьян феодальной эксплуатации было их бегство из поместий. Доказать это положение нелегко. Крестьяне действительно нередко бежали, оставив свои деревни, об этом ясно говорят источники, однако, как правило, речь идет о том, что они разбегались, прячась от врага, спасаясь от грабежа и смерти, которыми грозили им набеги враждующих сеньоров. Мы знаем, что не только крестьяне покидали деревни, но и монахи бросали монастыри и бежали при появлении рыцарских отрядов⁴. Однако в этом вопросе автор, по-видимому, очень близок к истине: уже тот энтузиазм, с которым крестьяне кинулись в Первый поход, ясно показывает их желание уйти от своих господ и обрести свободу. Иначе обстоит дело с вопросом активной антифеодальной борьбы. Наши сведения о крестьянских восстаниях этой поры крайне скудны и отрывочны. И это почти полное молчание источников нельзя считать случайным: крестьянское движение, если оно действительно было сколько-нибудь широким, представляло бы для феодалов такую грозную опасность и несомненно должно было производить такое впечатление, что трудно себе представить, чтобы оно не нашло отражения в современных источниках. Бесспорно, конечно, что тяжелое положение крестьян могло вызвать протест с их стороны, отдельные случаи возмущения, бегства в леса, нападения на представителей господствующего класса, однако о сколько-нибудь широком крестьянском движении у нас нет никаких данных. Между тем, утверждая факт широкого народного движения, автор строит на этом одно из важнейших своих положений. «Феодальные круги» и прежде всего церковь, неоднократно подчеркивает он, организовывая крестовые походы, имели главной целью увести из Западной Европы мятежный крестьянский элемент, грозящий самому феодальному строю. Это положение представляется не только недоказанным, но и вызывает возражения.

Во-первых, как уже говорилось, не доказан сам факт массового антифеодального крестьянского движения. Во-вторых, в современных источниках мы не найдем ничего, что указывало бы на подобные замыслы папства. И, наконец, здесь встают соображения и иного порядка. Всякий, кто читал картулярный материал этой эпохи, знает, как много в хозяйстве феодалов было пустующих участков, как велика была нехватка рабочих рук, без

⁴ Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. X, p. 321; t. XI, p. 572.

которых земля не имела никакой цены. В этих условиях бегство крестьян должно было наносить феодальному и, в частности, церковному хозяйству страшный урон. Трудно поверить, чтобы феодалы и крупнейший из них — церковь — сознательно способствовали (как это получается у автора) уходу из Западной Европы драгоценной рабочей силы. К подобному средству господствующий класс не прибегал даже в XIV в. — в век великих крестьянских восстаний: мятежных крестьян никогда не уводили из страны, а, наоборот, обрушивались на них всей силой кровавых репрессий.

Все вышесказанное, повторяем, не означает, что участие крестьян в первых крестовых походах было лишено антифеодального характера, не было связано со стремлением народа к освобождению, — эти стремления очевидно и хорошо показаны автором⁵. Мы хотели только подчеркнуть, что автор необоснованно приписывает папству желание вывести крестьян из Европы.

Вообще, как нам кажется, М. А. Заборов несколько преувеличивает роль папства в деле организации первых крестовых походов. Это связано с некоторой переоценкой им значения тех преобразований внутри католической церкви, которые были вызваны клюнийской реформой. Автор совершенно прав, когда указывает на большие изменения, происшедшие в X—XI вв. в жизни церкви, на такие явления, как рост церковного землевладения, усиление и централизация всей церковной организации. Однако представление о том, что в результате клюнийской реформы создалась прочная конгрегация, возглавляемая папой, не соответствует действительности. Клюнийские монастыри настолько сильно были зависимы от светских локальных сил, так глубоко увязли в окружающем их феодальном мире, что вряд ли можно говорить о прочной конгрегации. Не менее сомнительным представляется и тезис о папстве как главе клюнийского ордена. Сам Клюнийский монастырь был подчинен лишь покровительству папского престола — *ad tuendum, non ad dominandum*, говорится в одной из клюнийских грамот⁶, практически же и это подчинение было номинальным. Папство XI в. было отнюдь еще не настолько сильным, еще так было поглощено борьбой за свое собственное освобождение, что бесспорно не имело еще возможности осуществлять реальное господство над могущественным западноевропейским монашеством. Вряд ли можно говорить и о том, что «огромные материальные ресурсы монастырского землевладения» были переданы в распоряжение римского папы (стр. 24). Монастыри в этом смысле находились в различных отношениях к римскому престолу. Правда, некоторые испанские монастыри находились в частном владении папы, который собирал с них реальный доход⁷; что же касается Клуни и многих других французских монастырей, то по отношению к их землям папская курия никакими правами не обладала⁸. Можно говорить

⁵ Вызывает сомнения только трактовка автором эпизода с гусем и козой, которые, как известно, шествовали впереди движущейся в поход немецкой бедноты. Автор видит в этих языческих традициях выражение антифеодальных устремлений народа. Нам кажется это необоснованным. Как известно, языческие традиции подчас прекрасно уживались с христианством и даже были ассимилированы им. Во всяком случае эти «антифеодальные» коза и гусь как протест против феодального строя кажутся неубедительными.

⁶ *Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny*, vol. I, 1876, № 285 (далее цитируется как СС); см. также № 499.

⁷ См. Р. Кehr. *Das Papsttum und der katalonische Principat bis zur Vereinigung mit Aragon*. Berlin, 1926, S. 26 f.

⁸ См., например, СС, vol. I, № 211, где прямо говорится, что папа не имеет права осуществлять свою власть над землями монастыря.

о естественном союзе папства и нового, реформированного монашества, можно говорить о том, что папство в своей централизаторской политике опиралось на монашество, но представлять себе тогдашнее монашество в виде прочной иерархической организации, венчаемой папою, никак нельзя. Этот вопрос, может быть, и не представлял собой такую уж важность для популярной и небольшой работы, если бы с ним не было связано не вполне верное освещение роли папства в первых крестовых походах.

По мнению М. А. Заборова, католическая церковь и прежде всего папство долго искали путей, «чтобы уберечь господствующий класс от опасности, исходившей со стороны угнетенного крестьянства», долго думали над тем, «куда обратить взоры крестьянства», «в какую сторону направить феодалов» (стр. 25), и, наконец, решились на крестовые походы. Таким образом, хотя М. А. Заборов, как видно из первой главы его книги, прекрасно представляет себе всю сложность отношений, вызвавших к жизни крестовое движение, в дальнейшем он невольно как бы возвращается к той давней концепции крестовых походов, как «папского предприятия», которая была выдвинута в эпоху Реформации и опровергнута еще Г. Зибелем и другими авторами XIX в.

Автор недооценивает здесь стихийность крестового движения и тех общих условий, породивших его, о которых уже говорилось выше. Если упомянуть, и то не всегда ясные, о народных восстаниях в ту эпоху приходится собирать, что называется, по крупницам, то доказательств избытка в Западной Европе XI в. «свободной рыцарской силы» искать не приходится. Об этом свидетельствуют письма и сочинения самих клянуийцев⁹, папские послания, любая хроника того периода. Об этом говорят и столь характерные для этой эпохи непрерывные феодальные войны и набег, и многолюдные паломничества, «крестовые походы до крестовых походов».

Все эти силы сами искали и находили себе цели и объекты. Вспомним о норманских завоеваниях и об отношении к ним папства. Эти завоевания совершались независимо от воли слабой папской курии, более того, попытки сопротивления этим завоеваниям (например, со стороны Льва IX) оказались безнадежны, и папству оставалось только присоединиться к этим завоевательным предприятиям, чтобы извлечь из них хоть какую-то пользу¹⁰. Завоевания северонемецких князей в понтификат Стефана IX также могут послужить доказательством этой рыцарской инициативы. Свои захваты славянских земель они оправдывали тем, что целью их было подчинить эти земли папскому престолу¹¹, хотя сам папа Стефан IX, занятый делами своего лотарингского дома, менее всего интересовался тогда предприятиями северных князей.

Создается впечатление, что папство долгое время не поспедало за этими рыцарскими походами, а затем оно само уже было поднято на гребне движения, охватившего всю Западную Европу.

Все это относится к начальному периоду движения, к XI—XII вв. В этот период не столько папство создавало крестовые походы, сколько

⁹ См., например, сочинения аббата Одо Клянуийского, *Collationes, Vita Sancti Geraldii Aureliensis Comititis*. PL, t. 133.

¹⁰ Норманские военные предприятия особенно интересны еще и потому, что именно норманны (и без всякого участия со стороны папства) оказались на путях восточных завоеваний. Так, находившиеся на службе Византии норманны под предводительством Русселя де Бейё пытались создать в Малой Азии новое норманское государство (см. R. Grousset. *Histoire des croisades*, vol. I, p. XXXIV sq.), прообраз того, которое было создано на Востоке южноитальянскими норманнами в результате Первого крестового похода.

¹¹ MGH SS, V, p. 613.

крестовые походы (наряду с другими факторами) укрепляли папскую власть и способствовали неслыханному ее возвышению. Именно благодаря этому усилению своих позиций папство смогло стать реальным руководителем и организатором крестового движения. Не случайно Алексей Комнин обращается к отдельным сеньорам Запада, а Мануил Комнин адресуется уже к папе Евгению III (1145—1153), пытаясь договориться с ним об условиях похода¹². В XIII в., когда папство достигло вершин своего политического могущества, папа мог уже реально руководить крестовым движением и направлять его в нужное ему русло. Когда Иннокентий III грозил непокорному Раймунду VI Тулузскому: «Мы примем меры, чтобы все соседние государства поднялись против тебя как против врага Христа и гонителя церкви и взяли бы себе те земли, которые успеют захватить»¹³, — то эту свою угрозу он мог осуществить и осуществил. Однако поход против альбигойцев, как это справедливо отметил Огюст Лоньон, был все-таки «скрытым под религиозным покровом нападением французского Севера на французский Юг»¹⁴.

Автору подчас изменяет чувство эпохи. Когда читаешь книгу М. А. Заборова, нередко создается впечатление, что в ходе крестовых походов умная, диничная и не верившая в бога папская курия обманывает темные народные массы, нарочно одурманивая их суевериями и разжигая религиозный энтузиазм, которых сама не разделяла. Речь папы Урбана II или проповеди Петра Амьенского изображаются автором как сплошная демагогия. Не следует, однако, забывать, что римские первосвященники отнюдь не поднимались над идеями и верованиями своего века, что они были так же суеверны, невежественны и фанатичны, так же могли надеяться на помощь божью. Циники и демагоги вряд ли сыграли тогда большую роль, чем фанатики и изуверы. Обладая только «показным аскетизмом», как это утверждает М. А. Заборов (стр. 57), Петр Амьенский едва ли бы смог завоевать такой авторитет среди широкой массы искренно верующих людей. Нам представляется, что гораздо правильнее было бы показать церковных руководителей во всем их мрачном невежестве и изуверстве, чем изображать их чуть ли не вольнодумцами и скептиками.

В этой связи следует сказать, что и различие между первым этапом движения, когда религиозный энтузиазм еще был очень силен, и последующим, когда корыстные цели проступают особенно резко, а энтузиазм остывает, подчеркнуто автором недостаточно ясно. Между тем стоит лишь сравнить Альберта Дахенского, историографа Первого похода, с Вильгельмом Тирским (1130—около 1190), чтобы понять всю разницу в атмосфере Первого и последующих походов.

Жаль, что М. А. Заборов не коснулся, хотя бы вкратце, литературы, созданной крестовым движением, в частности крестового поэтического цикла. Это ввело бы читателя в духовную атмосферу той эпохи и вместе с тем еще резче оттенило бы контраст между опозитивированными «божьими воинами» и теми разбойниками и убийцами, какими в массе своей были реальные рыцари-крестоносцы.

Общие выводы автора об итогах крестового движения (стр. 268—278) представляются правильными. Вместе с Ф. И. Успенским М. А. Заборов считает, что «выгоды от крестовых походов были неизмеримо ниже потерь и убытков» (стр. 272). Крестовые походы — это колоссальные, ничем не оправданные человеческие жертвы, гибель огромного количества

¹² P. Lemerle. Byzance et la croisade, p. 604.

¹³ Regesta Innocentii III, l. X, ep. 69; CCXV, 1166—1168.

¹⁴ A. Longnon. La formation de l'unité française. Paris, 1922, p. 29.

материальных ценностей. М. А. Заборов с полным основанием спорит с теми учеными, которые склонны считать крестовые походы решающим, переломным и определяющим этапом мировой истории. По мнению М. А. Заборова, не крестовые походы с их грабежами, убийствами и бессмысленной растратой сил способствовали развитию западноевропейских стран, но естественный процесс социально-экономического развития, на которое крестовые походы оказали только относительное влияние. Таким образом, автор не отрицает определенной роли крестоносного движения в развитии Западной Европы, однако он решительно отрицает их определяющую роль в этом развитии. И доводы автора в общем представляются убедительными. Думается, однако, что М. А. Заборов несколько преуменьшает то значение, которое имели крестовые походы на Восток для развития западноевропейской культуры. Это произошло, по-видимому, потому, что в книге вообще не показано столкновение различных культур — западной и византийской, западной и восточной, мусульманской. Очень ценный в этом отношении материал могли бы дать арабские источники, теперь уже широко введенные в историографию крестовых походов. В частности, в значительно большей степени следовало бы использовать широко известную у нас «Книгу назиданий» Усамы ибн-Мункыза. Говоря о значении крестовых походов в области развития культуры, мы имеем в виду не только и даже не столько те непосредственные заимствования, которые были сделаны на Востоке (рис, арбуз, горячие бани и пр.), но прежде всего те огромные сдвиги в умах, то значительное расширение умственного горизонта, которое должно было произойти в результате столкновения культур, т. е. именно те последствия, к которым менее всего стремились римские первосвященники.

Последний упрек, который приходится сделать автору, относится к стилю его работы. Текст книги отредактирован недостаточно тщательно. Настоящим бедствием книги являются кавычки. Как бы стараясь отмежеваться от многих понятий или придать им иронический смысл, автор ставит их в кавычки; он не скажет: понятие феодальной чести, но: понятие феодальной «чести» (стр. 166); изменники бароны, перешедшие на сторону эмиров-мусульман, почему-то названы «изменниками» в кавычках; о Людовике IX говорится, что католическая церковь признала его «святым» (в кавычках), хотя церковь, естественно, считала его святым без всяких кавычек (стр. 258), а Бернард Клервоский почему-то назван святейшим аббатом без кавычек (стр. 149). «Воины божьи», конечно, всегда в кавычках, а воины христовы, почему-то — без (стр. 151, 260). Кавычки так назойливы, что мешают читать текст.

Мы отмечаем эти мелкие погрешности для того, чтобы в следующем издании книги они были исправлены. А что рассматриваемая нами книга потребует переиздания, в этом не может быть сомнения. Это, повторяем, серьезная работа, содержащая, несмотря на ее небольшой размер, очень ценный материал, значительная часть которого появляется впервые на русском языке. Эта работа станет необходимой студентам исторических факультетов, да и не только студентам, но и преподавателям, она заинтересует, конечно, и более широкий круг читателей. Книга М. А. Заборова важна не только потому, что обладает преимуществами первой в нашей советской литературе сводной работы, посвященной этому предмету, но и потому, что является результатом тщательного изучения источников и обширной литературы предмета.